вование которого устанавливается косвенно; брак-похищение был у чукчей, так же как поминки — у бурят, селькупов и ительменов (с. 91, 93, 95, 154, 221), в таблице же отмечено отсутствие у названных народов этих элементов свадебной и похоронной обрядности. Не ясно, почему в книге нет статей о свадебной обрядности коряков и орочей, хотя элементы этой обрядности (кстати, без указания источника их) получили картографическое отражение. В таблице «Погребальная обрядность XVII—XVIII вв.» нет сведений об ориентации умерших у хакасов, об изображении покойного у хантов и манси, хотя в статьях об этом говорится (с. 108, 142). Погребальная обрядность хакасов вообще не отражена на карте 2.

Многочисленные неточности подобного рода, разумеется, снижают общее благоприятное впечатление от книги и не способствуют возникновению абсолютного доверия к карто-схемам, но в целом они все же не умаляют ее научной значимости и новаторского характера. Рецензируемая работа положила, по существу, начало систематическому картографированию элементов духовной культуры, до сих пор имевшему преимущественно экспериментальный характер. Содержащийся в ней большой систематизированный материал представляет собой резерв для дальнейших исследований и обобщений, возможности которого далеко не исчерпаны. Книга подводит итог и одновременно открывает перспективы для последующих обобщений духовной культуры с помощью картографирования. Опыт ее авторов, безусловно, будет учтен в дальнейших исследованиях. В этом смысле поучительны как определенные достижения, так и некоторые упущения рецензируемой работы.

Е. В. Ревуненкова

Свод армянских сказок. (Армянские народные сказки). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1959—1980. 11 томов (на арм. яз.).

«Творчество сказок присуще армянскому народу в высшей степени»,— писала Мариэтта Шагинян в своем «Введении» к сборнику армянских сказок, изданному в 1933 г. на русском языке. Лучшее подтверждение этого высказывания — 11 томов «Армянских народных сказок», вышедших в Издательстве АН Армянской ССР. Невозможно переоценить общественное и научное значение этого труда.

Произведения фольклора, в течение веков выражавшие надежды и ожидания народа, стали доступны и исследователю-филологу, и этнографу, и историку культуры, и, наконец, всякому, кто любит сказки, кто не устает восхищаться неисчерпаемой фантазией народа, поразительным богатством и меткостью его языка.

Издание было начато более 20 лет назад (в 1959 г.) под общей редакцией И. А. Орбели. Правда, программа, рассчитанная на 25 томов, еще далека от завершения, однако проделанная к настоящему времени очень значительная работа позволяет подвести некоторые итоги.

В 11 томах (которые выходили в такой последовательности: т. I, II — 1959 г., т. III — 1962 г., т. IV — 1963 г., т. V — 1966 г.; т. VI — 1973 г., т. VII —1979 г., т. VIII— 1977 г., т. IX — 1968 г., т. X — 1967 г., т. XI — 1980 г.) опубликовано 1447 текстов; 1244 из них печатаются впервые. Если к этому добавить, что значительная часть ранее опубликованных текстов появилась в дореволюционных изданиях, ставших сейчас в силу малых тиражей труднодоступными, то станет ясно, что в широкий научный оборот введен огромный материал, имеющий исключительное народоведческое значение. По существу, это свод армянских народных сказок, и именно в этом качестве его следует оценивать.

Составители поставили перед собой задачу представить полное собрание не подвергавшихся каким-либо изменениям текстов армянских сказок, которые могли бы быть использованы специалистами-исследователями, в том числе этнографами, историками, лингвистами и др. (см. «Предисловие» к т. I, с. 5—6).

Важнейшая проблема подобного издания касается принципа распределения материала. Тут существует несколько решений. Тексты могут быть расположены по сюжетным гнездам, по собирателям, по сказителям и, наконец, по этнографическим, географическим районам. В рецензируемом своде принят этот последний принцип, что объясняется, как пишут составители, особенностями исторических судеб армянского народа и состоянием архивных материалов, всегда носивших региональный характер.

Уже первые собиратели и публикаторы армянских сказок в 60—70-х годах прошлого столетия, стремясь сохранить национальную старину, и в первую очередь диалект, обращались к фольклору определенного историко-этнографического района. Так, Г. Срвандзтян собирал фольклор Вана (Западная Армения), Г. Тер-Александрян — фольклор Тифлиса, Т. Навасардян — сказки Айрарата и т. д.

Эта традиция продолжена в Своде армянских сказок — каждый том содержит тексты, записанные в каком-нибудь одном регионе. В I—III томах напечатаны сказки Айрарата; в IV — Ширака, Басена, Джавахка; в V — Арцаха, Карабаха; в VI — Арцаха-Утика, Гандзак-Тавуша; в VII — Арцаха-Сюника; в VIII — сказки Гугарка (Лори); в IX — Багреванда, Алашкерта, Маназкерта; в X — сказки Муша, Буланха; в XI — Турберана. Следующие тома, частично уже подготовленные к печати (XII и XIII), будут посвящены как районам самой Армении, так и зарубежным армянским колониям.

Такое расположение текстов имеет ряд преимуществ. Появляется возможность судить как о жанровом и сюжетном составе репертуара данного этнографического района, так и о деятельности собирателя, работавшего в этом регионе, микрорайоне или селе.

Следует отметить самоотверженный труд фольклористов-собирателей старшего поколения. Деятельность этих энтузиастов — братьев Бахатрянов (60-е годы XIX в.), С. Айкуни (80-е годы XIX в.), Т. Навасардянца (70—90-е годы XIX в.), С. Мовсесяна (1910-е, 1930-е, 1940-е годы), М. Григорян (1920-е, 1930-е и 1940-е годы) и др.— навсегда вошла в историю армянской культуры. Особое место среди них занимает выдающийся ученый — этнограф и фольклорист Ерванд Лалаян (1864—1931 гг.). Благодаря его личным усилиям и планомерной работе организованных им экспедиций были зафиксированы и сохранены сказки Айрарата и Гугарка, Джавахка и Багреванда. Об огромной работе Лалаяна говорит хотя бы то, что тексты, записанные им и участниками его экспедиций, входят в I, II, IV, VIII, IX и XI тома (1900—1920-е годы).

Расположение материала по этнографическим районам, а внутри них — по селам позволяет также выделить тексты, записанные от одних и тех же сказителей, и тем самым выявить особенности их репертуара, а также их индивидуальной манеры — языка и стиля.

Все тома построены однотипно. Каждый из них открывается кратким предисловием, затем следуют основные тексты и варианты, словарь диалектных слов, примечания к текстам, список сказителей и алфавитный указатель текстов. Предисловие к тому содержит историко-географический очерк о регионе, сведения о собирателях, записи которых составили содержание тома, характеристику данного диалекта, перечень тем, по которым сгруппированы сказки.

Тексты, основные и варианты, расположены в следующем порядке: сначала волшебные, затем бытовые сказки и сказки-анекдоты. Варианты, приведенные в приложении,— это, как правило, тексты ущербные, неполные, плохо рассказанные. При публикации текста составители твердо придерживаются единого принципа: исключается всякое редактирование, текст печатается в том виде, в каком его оставил собиратель; все его изъяны, нарушение хода повествования, путаница в именах, числах оговариваются в сносках. Если текст не был озаглавлен сказителем, то это тоже отмечается особо.

В примечаниях к текстам характеризуется состояние архивных материалов, даются сведения о первой публикации текстов и о перепечатках, если они были, о сказочниках, о месте и времени записи. К сожалению, не все собиратели, особенно в конце XIX в., снабжали текст полными паспортными данными, что очень чувствуется сейчас, при попытках выявить социальный состав сказочников и динамику бытования сказок.

Уже это краткое описание издания дает представление о том, какой ценный материал содержат вышедшие 11 томов. Отметим наиболее интересные и актуальные аспекты исследований, источниковой базой для которых может стать Свод армянских сказок.

Разумеется, в первую очередь предметом исследования должны стать сами тексты. Начало такого исследования положено в самом издании — расположением материала, научным комментарием, различного рода указателями. Итак, что уже сделано составителями? Во-первых, в потоке многочисленных текстов выделены отдельные виды сказок — волшебные, бытовые, сатирические и сказки о животных. На таком большом материале эта работа осуществлена впервые. Во-вторых, сделана попытка сгруппировать в первых трех томах сказки по темам. В-третьих, из текстов, напечатанных в I—IV и V—VII томах, извлечены собственные имена и географические названия и составлены соответствующие указатели. В-четвертых, в III, IV, VII, VIII томах помещены предметные указатели, которые содержат обозначения предметов, животных, растений, явлений природы, религиозные и бытовые представления (т. IV, с. 512).

Как видим, начало анализа сказочных текстов положено. Что еще можно сделать в намеченных рамках и в каком направлении продолжать эту работу? Чтобы ответить на этот вопрос, надо определить, кому адресовано издание. Разумеется, сказки будут с большим интересом прочитаны самым широким кругом читателей, но «Свод...» ориентирован в первую очередь на научную аудиторию, следовательно, в нем непременно должны быть учтены достижения современного сказковедения, в частности, в области типологизации и систематизации сказочных сюжетов. К сожалению, богатейший Свод армянских сказок, изданный АН Армянской ССР, лишен указателя сюжетов, который один может ответить на вопросы о том, какие сказки рассказываются на армянском языке, какие сюжеты наиболее распространены, какие сюжетные контаминации можно считать традиционными и т. д. Тот перечень тем и сюжетов, по которым сгруппированы сказки в I—III томах, не может заменить указателя, так как он не дает представления о конкретном содержании собрания. Некоторые группы определены настолько расплывчато и приблизительно, что к ним можно причислить сюжеты самого разного типа. Например, «коварный, несправедливый и жестокий недруг всегда наказывается»; «приключения сына, покинувшего родителей и после многих испытаний вернувшегося домой» (т. I, с. 22—23); «доброта и благодарность всегда вознаграждаются» (т. II, с. 17). Очевидно, осознав научную несостоятельность подобных определений, составители в последующих томах уже не прибегали к ним.

Между тем сюжетный состав «Свода...» должен быть выявлен, чтобы любой читатель, будь то ученый-фольклорист или просто ценитель народного творчества, мог легко ориентироваться в нем. А для этого необходимо сопроводить последний том типологическим анализом и сводным указателем сюжетов. Ясно, что задача исследования национального сказочного фонда не может быть выполнена без его типологизации по международному каталогу Аарне — Томпсона.

В нашей стране в последние годы начали активнее составляться национальные указатели. К сожалению, такого указателя к армянским сказкам нет, хотя работа в этом направлении была начата еще в 30-е годы. В 1933 г. в Москве в серии «Сокровища мировой литературы» вышло второе, значительно дополненное и исправленное издание «Армянских сказок». Перевод их был выполнен Я. С. Хачатрянцем, введение принадлежит перу М. С. Шагинян. Н. П. Андреев, составитель научного комментария, идентифицировал помещенные в сборнике армянские сказки по указателю Аарне и привел к ним русские параллели. Работа по классификации сюжетов была продолжена А. Т. Ганаланяном в его книге «Армянские народные сказки», вышедшей в 1965 г. в Ереване на русском языке. Однако сделанного явно недостаточно, так как классификация проводилась на сборниках, т. е. на небольшом числе специально отобранных сказок, а не на большой коллекции. Необходим каталог, в котором были бы учтены хотя бы те 1447 текстов, которые напечатаны в рецензируемых 11 томах. Создание национального каталога позволит ввести в международный оборот богатейший армянский материал, отраженный в Указателе Томпсона явно недостаточно. Этот пробел не восполняет и сборник «100 армянских сказок», изданный в 1966 г. в Детройте С. Угасян-Вилла на английском языке, так как число идентифицированных текстов невелико — 72 из 100.

Таким образом, создание национального каталога сюжетов, с одной стороны, положит начало новому этапу изучения армянских сказок на основе научной систематизации, с другой — явится ценным вкладом в международное сказковедение.

Какие еще перспективы научных исследований открываются в связи с изданием многотомного собрания сказок? Поскольку время записи опубликованных текстов охватывает более 100 лет — с 1860-х до 1960-х годов, появляется возможность на достоверном материале показать состояние сказочной традиции в различных районах с армянским населением, ее развитие на протяжении достаточно длительного периода. Учет числа записей на протяжении каждого десятилетия, в каждом историко-этнографическом регионе, а также изучение состава сказителей позволит получить очень интересную информацию о характере словесной культуры, особенностях ее бытования в определенной социальной среде, о типичных и случайных явлениях в репертуаре сказок. Система подобного рода аналитических исследований, разработанная И. Г. Левиным в 1970 г., была принята Институтом этнографии и археологии АН Армянской ССР и успешно применяется для описания, упорядочения и классификации архивных материалов, извлечения информации по разным параметрам, а также создания каталогов, атласов, сводов. Думается, что использование этой системы для изучения коллекции сказок откроет новые, до сих пор не выявленные аспекты. Один из таких аспектов — количественный анализ источниковой базы, ряда ее показателей. Так, можно зафиксировать в репер-

туаре какие-то типы сюжетов, мотивы, персонажи, реалии, но только статистический материал позволит сделать достоверные научные выводы о характере общих закономерностей, раскрывающихся в совокупности источников.

Около 1500 сказок — волшебных, бытовых, сатирических, собранных в 11 томах «Армянских народных сказок», представляют богатейший материал для познания народного быта, народных обычаев, народного мировоззрения. Именно это имел в виду В. И. Ленин, когда подчеркивал то значение, которое имеет «подлинно народное творчество, такое важное и нужное для изучения народной психологии в наши дни» [1].

Издание произведений фольклора —«дело большого культурно-исторического значения»,— писала «Правда» 13 сентября 1975 г. Дело это успешно начато небольшим коллективом сотрудников Института этнографии и археологии АН Армянской ССР (гл. редактор А. М. Назинян). Остается пожелать, чтобы задуманная программа была столь же успешно завершена и чтобы она не затянулась еще на 20 лет.

С. А. Гуллакян

---

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* В. И. Ленин об устном народном творчестве.— Сов. этнография, 1954, № 4, с. 118.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Б. А. Рыбаков. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981, 606 с.

«Познание народной культуры, всех видов крестьянского творчества невозможно без выявления его архаичной подосновы. Изучение язычества — это не только углубление в первобытность, но и путь к пониманию культуры народа». Так заканчивает свою фундаментальную книгу Б. А. Рыбаков, и трудно подыскать слова лучше, чтобы начать разговор о ней.

Конечно, язычество — это религия, и к ней приложимо все то, что относится к религии вообще: это результат непонимания человеком подлинных законов мироздания, результат его бессилия перед некоторыми проявлениями этих законов. Однако, в отличие от того, что принято называть «опиумом народа»— религий развитых классовых обществ, первобытные формы религии наряду с немалой долей самообмана и униженности содержат и иную, религиозную лишь по форме, а не по сущности составляющую: это интуитивное осознание человеком своего места в мире, его основных структурных связей, соотнесенности людей и вещей во времени и пространстве, выраженных в ярких опоэтизированных ассоциативных образах. Вряд ли можно спорить с тем, что преодоление пошлости, китча, мещанской бездуховности, порождаемых раздутой однобокостью восприятия материального прогресса, невозможно без обращения к истокам народной, традиционной культуры. Но для того чтобы это обращение не выродилось в убогую бутафорию и вызывающую чувство неловкости нескладную искусственную канцелярскую обрядность, нужно глубоко и досконально знать структурные и системные принципы всей совокупности традиционной культуры, а значит, нужно знать язычество.

Однако что такое язычество? Сам автор пишет в первых же строках своей книги: «При всем несовершенстве и расплывчатости слова «язычество», лишенного научного терминологического значения, но крайне широкого и полисемантического, я считаю вполне законным обозначение им того необъятного круга вопросов, которые входят в понятие первобытной религии: магия, анимизм, пандемонизм, прамонотеизм, дуализм и т. п.» (с. 3). Но можно ли и нужно ли называть язычеством, скажем, верования австралийских аборигенов, или религию ацтеков, или синтоизм, где мы найдем все или почти все из перечисленных категорий, кроме, пожалуй, прамонотеизма, само существование которого весьма дискуссионно? Думается, что такое употребление термина сделало бы его неоправданно расширительным и, главное, неоперациональным. Мне представляется, что слово «язычество» может быть приближено к терминологическому уровню, который стихийно вырисовывается из круга тех вопросов, где оно привычно и употребительно. Под язычеством следует понимать тот комплекс религиозных представлений, истоки которого сформировались вместе с развитием производящего хозяйства, т. е. земледелия и скотоводства, в одном из его первичных очагов, а именно переднеазиатском, и были в